

И ещё помню, когда мы уже расставались, Пастернак, как взрослому, пожал мне руку и спросил:

— Как тебя зовут?
— Лёва... — робко ответил я.
— А в каком классе учишься?
— В пятый перешёл...
— Учись, Лёва, в этой жизни только хо- рошему! — ласково, но без назидания, ска- зал поэт — и мы простились.

И, увы, навсегда... Так что я по праву могу называть себя последним учеником Бориса Леонидыча, в отличие от гнусной банды пресловутых шестидесятников, мелких секотов и гнусных приспособлен- цев, типа небезызвестного стихотворца — бездаря Доношенки и прочих небезуспеш- ных выкормышей лжи.

После того, как Пастернак был офици- ально как бы разрешён властями, все эти «доношенки» мужского и женского пола взахлёб, вперевой, привычно отталкивая друг друга локтями, кинулись клясться в любви и верности затравленному гению, самозванно причисляя себя к его предан- ным ученикам. Но при жизни поэта, в тяжкие годы чудовищных гонений, ког- да в анналы вошла фраза «Я Пастернака не читал, но осуждаю!», эти самозванцы и самозванки от литературы пикнуть боя- лись в защиту своего кумира. Да что там пикнуть-пукнуть, проведать на даче тяже- ло больного человека и то ни одна сволочь не отважилась. А ведь никто не держал Пастернака, как Пугачёва, в железной клетке. Не буду перечислять поимённо мерзавцев, не из-за страха подлой мести, мне давно неведом никакой страх, кроме Божьего, а дабы не оскорблять неприлич- ными кличками и псевдонимами светлую память о Борисе Леонидыче.

Но были честные литераторы, которые навещали поэта в ненастную «оттепель», не боясь никаких последствий-следствий. Например, молодые поэты, студенты Ли- тинститута Юрий Панкратов и Иван Хара- баров, Царствие им Небесное.

И были просто честные люди, которые помогали поэту и смело говорили то, что думали. Например, директор Дома твор- чества Переделькино, бывший фронтовик, заявивший на погроме партийном со- брании: «Я Бориса Леонидыча знаю уже несколько лет — и ничего плохого за ним не замечал. Аренду дачи он оплачивает исправно... По-моему, — он очень добрый и талантливый человек!» После чего пар- тийное собрание в Доме творчества было панически прекращено московскими ап- паратчиками. А директор?! — как был, так и остался директором Дома творчества.

А, стало быть, и я многогрешный на окраине листопада, несмотря на кислые рожки, а может, хари, своих недоброжела- телей был и остаюсь последним учеником Бориса Леонидыча Пастернака.

А что касается пресловутых шестидесяти- ников — смрадной открыжки социалисти- ческого реализма, — то, кроме осиновых кольев в их могилы, ничего пожелать не могу.

Не без их мерзопакостной вони была демонтирована система социальной спра- ведливости, не без их истеричной борьбы за т.н. общечеловеческие ценности, наш народ лишился бесплатного жилья, ме- дицины, образования, достойной работы и пенсий, то есть истинной, а не мифиче- ской свободы.

Впрочем, не про упырей-шестидесятни- ков речь моя, — и забудем о сей бесовской нечисти ради красоты стилиа и краткости изложения.

И напоследок: знать правду — одно, а лю- бить правду — совершенно другое. Правда без любви есть грех. Вера человеческая — ничто по сравнению с верностью Божией. Бог никого никогда не обманывает, ибо Он — не человек.

А что касается современного писатель- ства и писателей, жаждущих подключить неразборчивых читателей к т.н. инфор- мационному полю Вселенной, то они не заслуживают даже мелкого презрения, ибо начало премудрости — страх Божий, а не бессмысленная прелесть новизны. И единственное, что объединяет всех ныне живущих на Земле, — это смерть!..

И что сказал, то сказал!..



Лев КОТЮКОВ



«И поют в неземной тишине золотые глаголы...»

У окна

В старом парке листвою жестокий,
Всё темней осеннее окно.
И молчу, как дворник одинокий,
Недопивший грустное вино.

Но в ненастье не томлюсь спасеньем,
И упорно не включаю свет.
И не прячусь — за стихотвореньем,
Как порою прячется поэт.

А ведь мог бы скрыться
в строфах тёмных,
И предстать, —
ну как испанский гранд! —
Для влюблённых и —
не для влюблённых —
В мой угрюмый, искренний талант.

Но не буду! Миновали сроки —
И совсем другое на уме...
И молчу, как дворник одинокий,
И душа, как женщина в тюрьме.

Ненастье детства

В ключья тьмы сбивалось время,
Ноль маячил на часах.
И тяжёлым,
мокрым зверем —
Дождь ворочался в кустах.

Но казалось в одночасье,
Что отступят холода,
Сгинет мокрое ненастье,
И покинет дом беда.

Сгинут тёмные страданья,
Обратится время в свет...
И томилесь ожиданьем —
Все в стране,
которой нет.

И убрался дождь на Запад,
Одинокий, словно зверь...
И ребёнок в доме плакал,
Где-то, где-то он теперь?!

Памяти колхозной деревни

Светятся нивы колхозные
В дальнем, забытом году.
Светятся травы морозные,
Светятся листья во льду.

Светится время грядущее,
Дышит в лицо горячо...
Светится женщина лучшая,
Светится что-то ещё...

То ли дорога рассветная,
То ли следы на воде...
Где моё время заветное?
Слово заветное где?!

Всё, что мне было обещано,
Сгинуло в омуте лет.
И ни колхоза, ни женщины,
Да и грядущего нет...

И не расстаться, не встретиться,
И — бесконечна зима...
Но обещающе светится —
Вечная-вечная тьма...

Имя моё звериное

Я за каждый миг могу ответить!
«Всё пройдёт,
как с белых яблонь дым...»
И душе — ну ничего не светит...
О, как тяжело с именем моим.

Но могу ведь сочинить такое
И такую красоту воспеть,
Что навек обманутся со мною —
Все, кто жаждет истину прозреть.

Но не буду против Божьей воли
Нагнетать лирический туман.
И оставлю тёмному безмолвью —
Красоты пленительный обман.

И томлюсь словами неземными,
И молчу, до срока посев...
И сжирает душу моё имя,
Словно серну, одинокий лев.

Страницы

Я в лом поквитался с собой,
Сполна расквитался со всеми...
Осыпалось дымной золой —
В песок чернозёмное время.

Не ведаю сам, что творю,
Темны ледяные страницы...
Поют мои птицы в раю,
Сгорают в аду мои птицы.

Неверные тени любви —
За птицами рвутся с откоса.
А некто страницы мои
Листает за мною без спроса.

И шелест страниц, как обвал,
А некто, как будто наследник,
Страницы мои пролистал —
От первой до самой последней.

Но некто — душе не судья,
И тени летят, словно птицы.
И сам я не слышу себя,
Как шелест последней страницы.

* * *

Одиноко! Зови не зови!..
Где вы, нелюди-люди?..
Будто не было первой любви,
И последней — не будет.

Только гул убывающих лет,
Только эхо седое,
Только долгий,
далёкий рассвет, —
И окно ледяное.

И бессмысленно душу судить,
Исповедуясь с дрожью...
Никому не дано разделить —
Одиночество Божье.

Только гул в исчезающей мгле,
И пустая дорога.
И давно никого на Земле,
Кроме Бога!..

После войны воздушной

За пределом земной тишины —
Умирают глаголы.
Эхо дальней воздушной войны —
Опадает на доли.

А за долами дыбятся лес,
Эху тёмному внемля...
И никто с опалённых небес
Не вернётся на Землю.

И молчит громоносная высь,
Как земное надгробье.
И всё явное — это не жизнь,
Только злое подобье!..

И спешу я навстречу Судьбе —
На пределе дыхания...
Но моё возвращенье к себе —
За пределом сознания.

Всё погибли в воздушной войне,
Всех оплакали доли.
И поют в неземной тишине —
Золотые глаголы.

* * *

Почти отдаваясь смерти,
Душа обращалась в плоть,

Но в яростной круговерти —
Меня пощадил Господь.

Он вызвал мой дух из бездны,
И, может, не без труда...
Но знаю, что не исчезну, —
Я с Господом никогда!

И радуюсь безоглядно,
Но слышу, как из огня:
«Прощаю тебя нещадно!
Но ты пощади меня...»

И в тягостной укоризне
Молчу, затаив ответ:
Как будто до этой жизни —
Был там, где пощады нет!..

Стон

Стонало дерево в лесу,
В тоске забыв своё величье,
Из сил последних на весу
Держа листву и гнёзда птичьи.

И отдавался стон в душе,
Как эхо в ледяной пустыне,
Как будто не было уже —
Лесного дерева в помине.

Вставала ранняя звезда —
Над стоном северного лета.
Стонала старая вода
Стонала тьма в провалах света.

И ты во тьме, любовь моя,
Я знаю: на меня смотрела,
Без укоризны, боль тая,
Как у последнего предела.

Но ты вздохнула горячо,
И разом стон во тьме исчезнул,
Как будто лес своё плечо —
Подставил дереву... над бездной.

* * *

Как светлый сон — морозный вечер,
Где я навек счастливей всех,
Где я лечу любви навстречу,
Как долгожданный первый снег.

Я там навек собой остался,
Как на последнем берегу,
И отпечатки моих пальцев
Навек в нетающем снегу...

* * *

Восходящий лунный свет,
Словно музыка безмолвья...
И душа, забыв про смерть,
Тихо полнится любовью.

И молюсь за всех живых,
Обращаясь лунной тенью,
Чтоб остался этот миг,
Словно вечное забвенье.

Чтобы здесь, в земной глуши —
Мне любовь была ответом,
Чтоб молчание души
Обратилось лунным светом...

Нездешнее

Ты не майся тревогой нездешней,
Не ищи меня нынче нигде!
И забудь о душе моей грешной,
Как о зеркале в чёрной воде.

Ты не майся нездешней тревогой,
Наша смерть вместо жизни прошла...
И прошу — мою душу не трогай,
И во тьме не смотри в зеркала.

Проживи — сколько Господу надо,
И встречая до срока Весну,
Словно зеркало, выкраив из ада,
В отчий дом свою душу несущи.